

**Невротические реакции подростка.  
Попытка психоанализа.**

Интерес к психоаналитическому аспекту неадекватного разрешения конфликтов [1] и, вообще, идея детского психоанализа в нашем аспекте возникла в контексте трехлетнего наблюдения за разрешениями конфликтов детьми предпубертатного и пубертатного возрастов. Нам удалось зафиксировать некоторые проявления детской девиантной спонтанности по типу истероидных реакций. Наша объяснительная гипотеза относительно механизма возникновения невротических реакций заключалась в том, что в прошлом ребенка существовал неадекватно разрешенный конфликт, серьезная психотравмирующая ситуация, не ПЕРЕжитая ребенком, что и влияет на появление неадекватных действий. Последние оцениваются учителем как «мешающие вести урок» и, таким образом, приводят к дополнительным сложностям. То есть, уже травмированный ребенок не только не разрешает Конфликта, но и способствует возникновению негативных оценок со стороны значимых взрослых и дополнительному травмированию.

Для понимания механизмов возникновения и «смысла» этих своеобразных девиаций необходимо идентифицировать неадекватно разрешенный конфликт, порождающий девиантную спонтанность невротического типа, обратиться к исследованиям этого конфликта.

Таким образом, эта работа служила двум целям: обеспечить свое понимание содержаний детской души и объяснить себе поведение ребенка, и, во-вторых, получить опыт психоаналитической работы.

Прежде чем перейти к описанию конкретного случая и анализу, замечу, что текст будет носить, может быть, несколько фрагментарный характер, так как рамки и цель статьи не предусматривала подробного изложения материала. Надеюсь, однако, что логика исследования сохранена, факты и интерпретации, имеющие ведущее значение предъявлены достаточно ясно.

Итак, Рада – симпатичная, сообразительная, подвижная девочка, очень контактная, с высоким статусом в классе и неплохой успеваемостью по учебным

дисциплинам. Примерно 1,5-2 года назад ее спонтанное поведение в определенных ситуациях стало нести черты невротического, истероидного (в определенной мере), а именно: притворством, лживостью, фантазиями, «бегством в болезнь», носящим ярко выраженный демонстративный характер. Для иллюстрации приведу один эпизод.

Начало урока. Вбегает Рада, не задерживаясь около учительницы и учеников, сидящих рядом с учительским столом, бежит в конец класса, по дороге перепрыгивая через стул. Затем возвращается, ставит второй стул в проход и перепрыгивает их. Громко объявляет: «А я могу через два стула перепрыгнуть». Учительница и дети требуют успокоиться и сесть. Рада, не слушая их, ставит еще стул, тоже перепрыгивает, затем еще, еще. Наконец с грохотом роняет все стулья и падает сама. Достигшее апогея возмущение в передней части класса, переходит в требование вообще покинуть комнату. Тут же Рада подсаживается ко всем и начинает успокаивать расшумевшихся друзей. После того как вновь наступивший покой держится некоторое время, Рада ложиться на парту и начинает громко кричать: «А мне непонятно! У меня голова болит!» и так далее. Через пять минут опять шум. Теперь Рада опять помогает учительнице устанавливать порядок. В таком духе проходит весь урок, причем, для того, чтобы сменить одну ситуацию другой, прямо противоположной, девочкой используются разные способы (от имитации болезни до включения физической силы). Наблюдение множества подобных случаев позволяет заявить гипотезу: общая черта – коренное изменение ситуации.

Далее я отмечу следующее: два года назад из семьи Рады ушел отец к другой женщине. Для девочки это была сильнейшая травма. По словам матери, Рада долго преследовала отца и различными способами пыталась его вернуть (вскоре мать запретила ей это делать, аргументировав тем, что «папа плохой он нас бросил и обманул»). Из беседы с девочкой выяснилось, как происходившее выглядело для нее: «Мама очень плакала... Я ее жалела» (! это очень важно, Рада не упоминает, что она тоже плакала и что ее тоже надо было пожалеть).

Если вновь обратиться к невротической симптоматике девочки в школе, то теперь можно объяснить истероидные реакции по коренному изменению

ситуации, но перенесенные сюда из действительности – семейной. Именно благодаря замещению одной ситуации (семейной, недоступной влиянию, поскольку на действия там наложен матерью запрет) на другую (урочную, доступную изменению), действия в актуальной действительности не могут достичь желаемой цели, а, достигая какую-то другую цель, воспроизводятся вновь и вновь, так как не приносят девочке удовлетворения.

Я могла в полной мере рассчитывать на методику «Рисунок семьи несуществующих животных» (своеобразная модификация двух проективных методик «Рисунок семьи»<sup>2</sup> и «Рисунок несуществующего животного»), так как сложившиеся отношения с девочкой (частые встречи в школе, знакомство и посещение мной их семьи, совместное наше участие в летних походах) позволяет надеяться на доверительные отношения и откровенные разговоры, тем более в ситуации «тет-а-тет», в какой и были проведены все беседы.

Итак, изображается четыре «зверя», похожие на медведей, но с очень большими ушами и особенным окрасом. Последовательность: «зверь-мама», «зверь-дочка», «сын», «папа». Обращают внимание следующие особенности:

1) «папа» изображается небрежно и не раскрашивается. Из комментариев Рады: «Я уже устала раскрашивать». Я: «А папа не обидится?». Рада: «Он же не видит, он ушел» (!) Я: «Ты его наказываешь? За что?» Через паузу: «Знаю»;

2) фигуры «мамы» и «дочери» отделены друг от друга фигурой «братика». Это пока неясно, так как в семье Рада единственный ребенок;

3) «дочь» значительно меньше «мамы», хотя в действительности Рада почти одного роста с матерью. Сильное желание быть маленькой как, как желание, подтвердилось позднее;

4) «мама» и «дочь» раскрашены одинаково. Рада: «Мы, ой, они – одинаковые, похожие». Оговорка «мы-они» свидетельствует об идущей проекции. Видна сильная идентификация девочки с матерью.

Идентификация прослеживается и в фантазиях о будущем: «Мы с мамой всю жизнь будем вместе... Я не выйду замуж (!, к этому я еще вернусь). Я буду

маме все рассказывать, я и сейчас с ней всем-всем делюсь» (смысл «делюсь» раскроется позднее).

По-видимому, благодаря сильной идентификации с матерью, для девочки возникает опасность повторить материнскую «неуспешность» по отношению к мужскому полу. Рада чувствует приближение «опасного» будущего и у нее есть основания его бояться. Но она одновременно и тянется к нему, поскольку чувствует свою популярность у мальчиков. Эта популярность порождает чувство вины перед «неуспешной» матерью. Попытка искупить вину - искренние беседы с матерью (вот и второй смысл «делюсь», то есть «отдаю свое», «разделяю»). Следует отметить, что Рада очень самостоятельна. Почти все по дому она делает сама: «Я очень боюсь обидеть маму, если что-то не сделаю». Еще одно искупление.

При анализе «девочки» выделяется один символ – «маленькая девочка». Почти во всех снах Рада о ней заботиться. Вспомним соотношение размеров «зверя-мамы» и «зверя-дочери», отметим, что все воспоминания девочки о раннем детстве включают образ заботящегося о ней отца, привлечем боязнь надвигающегося будущего – по-видимому имеется сильное нереализованное желание быть объектом родительской заботы. Мама перестала быть «опекающей», она сама «брошенная». Меняется оценка матери, и для переоценки требуется дистанцирование (появляется разделяющая фигура «братика»).

Рада очень привязана к отцу и безусловно любит его. Запрещения матери встречаться с ним и говорить о нем фрустрируют само чувство любви. Формально девочка приняла эти требования, однако, не желая отталкивать отца, принимает все-таки от него подарки. Попытка «извиниться» и искупить, и здесь (возникающее чувство вины (заботливость о матери вопреки желанию быть опекаемой)). Желания «быть маленькой» остаются только сновидениями.

Для обобщения обозначу вскрытые конфликтные зоны:

- 1) «конфликт потери»: уход любимого отца и запрет матери на попытки его вернуть. Фрустрация дочери и защита: замещение семейной

ситуации школьной для воспроизведения попыток (уже истероидных реакций) по изменению обстановки.

2) «разрыв идентичности»: через сильную идентификацию принятие материнского «неуспеха» как собственного и, с другой стороны, понимание своего поведения как успешного у противоположного пола. Отсюда чувство вины и компенсаторная «откровенность».

3) Антиципация опасного будущего: реальный успех манит, угроза повторения материнской судьбы – пугает («Я никогда не выйду замуж»).

4) Принятие отца как виновного, требующего наказания, и любовь к отцу с боязнью его обидеть (принимает подарки). Усиление чувства вины, которое искупляется заботой о матери, вопреки потребности быть самой объектом заботы.

С точки зрения чистоты исследования следует заметить, что эта линия работы с симптоматикой не единственная. Возможно, что выраженная травма «потери» затмевает пока другие причины невротических реакций; возможно, что эти конфликтные зоны детерминируются, в свою очередь, травмами раннего детства, так как «только переживание детства дает объяснения чувствительности к будущим травмам...» [2, 371]. Встречались моменты, оставшиеся без объяснения, поскольку необходимо оставить что-то, что бы пройти один путь. С точки зрения З. Фрейда, всякий психоанализ должен оканчиваться в сексуальной сфере, а по взглядам его учеников, - в архетипическом (Юнг К.), комплексом неполноценности (Адлер А.) и т.п. Таким образом, проблема адекватности построенной нами схемы действительности дает почву для дальнейших размышлений.

Упомяну еще одну проблему: общение с педагогом неминуемо приводит к вопросу: «А что делать с таким ребенком?» Ответа пока нет и не ясно, как отвечать. Поскольку если игнорировать такого ребенка, и, тем самым обмануть его ожидания относительно последствий его действий, то может начаться эскалация конфликта, ведь уже сейчас реализуемое поведение свидетельствует о некоторой изощренности.

Вопросов много и они из разных плоскостей. Эта работа лишь небольшой, тщательно проработанный кусочек. И с этой точки зрения, она дает и особое понимание души ребенка и возможность получить опыт психоаналитической работы.

Литература:

1. Конфликт в конструктивной психологии / Красноярск, 1990г.
2. Фрейд З. Психология бессознательного / М. 1989г.